

ТЕАТР * КНИГИ

УДАЧНИ
И ПРОСЧЕТЫ

ПРИЕЗД на гастроли в Москву русских театров, работающих в столицах союзных республик, всегда вызывает интерес. Впервые, такой театр является, так сказать, полпредом русской театральной культуры в республике, а во-вторых, ждешь, что он приезжает в Москву, впитав лучшее, что есть в искусстве народа, среди которого он работает. С этими размышлениями мы встретили Таллинский русский драматический театр, гастролировавший в Кремлевском театре.

В Таллинском театре немало сильных и ярких актеров. Им под силу пьесы, которые не каждый театр имеет право ставить. Но из-за частой смены главных режиссеров за последние годы театр не развивался, что и привело к пестроте творческих приемов.

Таллинцы привезли три спектакля: «Мещане» М. Горького, «Узы» Э. Вильде и «Патент 119» А. Толстого. «Мещане» поставлены режиссером В. Оглобиным. Все роли в спектакле играют сильные актеры, но каждого из этих хороших актеров хочется как-то попридержать, успокоить, чтобы зритель мог поразмыслить вместе с Горьким и с каждым из обитателей дома Бессеменовых. Как бы опасаясь, что зритель «не дорос» до размышлений о жизни, мучающих старика Бессеменова, Татьяну, Петра, Тетерева, режиссер замешивает сложный конфликт бурными семейными ссорами и слезливыми примирениями.

В спектакле много комических трюков. Но и сквозь это наивное, нарочитое украшательство прорываются отличные актерские краски. Петра играет Э. Романов, и интересно наблюдать, как постепенно сквозь интеллигентскую оболочку все четче проступает мещанин новой формации, опаснее своего родителя, будущий Самгин. И все время не оставляет ощущение, что тонкому, умному актеру мешает необходимость сидеть в смешной и нелепой позе на полу или надолго застыть в объятиях сестры. Перегружен трюками Перчихин, которого безусловно мог бы легко и светло играть В. Сирин. Редко доводится в спектакле размышлять Бессеменову, в основном он ссорится, кричит, дерется. Но когда артист В. Архипенко все-таки находит эту возможность, — перед нами подлинно горьковский мещанин, с желанной твердостью упирающийся в почву, как тот буфет, который навечно установлен в этом прочном неуютном доме.

Меньше других пострадали образы Акулины Ивановны (М. Захарова) и Елены (В. Федорова).

Режиссерские же излишества вызывают чувство, похожее на то, когда дорожку репродукции классической живописи невоспитанный ребенок раскрасил цветными карандашами и всем пририсовал усы.

Не в авторском стиле и замысле, как нам кажется, поставлена и интересная пьеса эстонского классика Э. Вильде «Узы». Ее идея близка горьковским «Мещанам». Конфликт между издателем, владельцем книжной лавки Ильвесом и его сыном Вольдемаром начинается с протеста Вольдемара против того, как негуманно отец ведет дело, не платит авторам, обчитывает типографию. Сын уходит от отца и открывает собственное «дело». Начинаясь жестокая конкуренция, в которой побеждает отец. Он богаче, опытнее, влиятельнее. Но Вольдемар — единственный наследник. Поэтому примириться необходимо. Пусть сын унижится, попросит про-

щения, и тогда старик еще при жизни сделает его хозяином. Но сын принимает другое решение — он силой отнимает скупленные отцом векселя. Ждешь взрыва. Но отец и сын мирятся, узы крови при встрече якобы взяли верх над отцовской властной гордостью. А как же иначе, ведь капитал чего доброго пропадет! Пьеса ироническая, умная, написана под влиянием Горького. А поставлена мелодрама, напоминающая пьесы Южина-Сумбатова. Но и в этом неверно решенном спектакле видны хорошие актеры: Ф. Воронцовский (Вольдемар), В. Архипенко (Ильвес), Н. Федорова — изящная, смелая, умная Агнес Шенфельдт, Н. Савускан — типичная эстонская домоуправительница, деятельная, немного порочливая, мудрая женщина.

«Патент 119» — спектакль, посвященный 50-летию Октября. Это первая постановка нового главного режиссера театра С. Лермана. Пьеса, написанная А. Толстым совместно с А. Старчаковым, не имеет сценической истории. Это не случайность. Театр ознакомился с письмом М. Горького к А. Толстому, в котором Горький писал: «Пьеса не кажется мне удачной», и советовал Толстому не публиковать ее. Но коллектив увлекся идеей воссоздать атмосферу первой пятилетки, романтику той поры.

С. Лерман поставил «Патент 119» темпераментно, с хорошим чувством формы, введя массовые сцены, выразительно и эффективно рисующие горячую атмосферу завода первой пятилетки. Художник Н. Лицбах интересно и изобретательно выстроил заводские цехи. Остроумная конструкция позволяет на ходу менять места действия, и мы вместе с приехавшими немецкими специалистами как бы ходим по заводу под скрежет, лязг, гул машин, создающих и подлинное впечатление заводского грохота, и поэзию грандиозного труда. Но образы пьесы все-таки однолинейны, и ни талант актеров, ни изобретательность режиссера не могут сделать их сложными и глубокими. Горький в том же письме писал: «Процесс влияния на него (Рудольфа Зейделя) рабочих показан слабо». Э. Романов в роли Рудольфа Зейделя делает все, что позволяют текст и ситуация пьесы, чтобы мы поверили в исключительный интеллект ученого, создавшего — тутка сказать! — 118 изобретений. Ждешь, когда же проявится его необычайность, особенность его духовного склада, но проявиться ей не на чем. И талантливый, своеобразный актер не может развернуться в полную силу. Образы рабочих написаны плакатно, актерам тесно в них, хотя В. Сирин в роли Михайлова, «неказистого» изобретателя, вызывает симпатию зала душевной теплотой и какой-то радующей похожестю на жизнь.

И все же «Патент 119» дает основания думать, что театр переходит от «труппы» к коллективу. Спектакль свидетельствует о стремлении возродить творческий ансамбль, об умении одаренного режиссера подчинить второстепенное главному и о взаимном доверии и уважении режиссера и коллектива. Надо думать также, что репертуар единственного в республике русского театра станет значительным, интересным, поможет раскрыть актеров во всю ширь и после нескольких лет обидно тихой жизни творческий коллектив займет достойное место среди прославленных театров Эстонии.

С. ДУНИНА.